

КРУШЕНИЕ «ПОЛУДЕРЖАВНОГО ВЛАСТЕЛИНА»

(ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА КНЯЗЯ А. Д. МЕНШИКОВА)

Впервые публикуемые здесь документы секретного следственного дела князя А. Д. Меншикова наглядно показывают механизм действия дворцовых переворотов XVIII столетия, которые, по словам В. И. Ленина, «были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»¹.

...8 сентября 1727 года. Серый, ненастный день, обычный для ранней осени в Петербурге. Утром этого дня 55-летний президент Военной коллегии, генералиссимус, светлейший князь Александр Данилович Меншиков, могущественнейший человек в России, нареченный тестем императора Петра II, получил царский указ о домашнем аресте. При объявлении указа Меншикову стало так дурно, что лекарь во избежание апоплексического удара вынужден был «отворить» ему кровь. В тот день была сломлена блистательная карьера Меншикова.

Придворная служба «безродного баловня судьбы» началась за сорок лет до этих событий. Именно тогда Франц Лефорт, фаворит молодого царя Петра I, приметил и взял в слуги бойкого паренька Алексашку Меншикова, полубродягу, торговца пирогами на московских улицах, беглого сына дворцового конюха. С 1686 г. он служил денщиком у Петра I, оценившего в нем исключительную преданность и усердие. В ходе повседневного общения с царем и его окружением Меншиков приобрел практические навыки военной и государственной деятельности. Используя доверие Петра I, он начал оказывать существенное влияние на придворные и государственные дела. А Петр I смело выводил своего любимца «в люди», назначал его на ответственные административные и военные посты, жалая чинами, титулами, деньгами, поместьями с десятками тысяч крепостных. В 1703 г. Меншиков стал губернатором Ингерманландии (позднее Петербургская губерния), руководил строительством Санкт-Петербурга и Кронштадта. В 1702 г. он получил графский титул, в 1704 г. его произвели в генерал-майоры. В 1706 г. по рекомендации царя австрийский император Иосиф I возвел Меншикова в сан князя «Священной Римской империи», а сам Петр I год спустя пожаловал его титулом светлейшего князя.

Обласканный царской милостью, Меншиков ревностно оправдывал делами пожалованные ему почести. В Полтавском сражении 27 июня (8 июля) 1709 г., командуя левым крылом русской армии, он разгромил корпус генерала Росоа, обеспечив тем самым общую победу в битве. За действия под Полтавой Меншиков был произведен Петром I в чин фельдмаршала. В 1709—1713 гг. Меншиков командовал русской армией в заграничных походах, освобождая земли Померании и Голштинии от шведских войск, а с 1714 г. занимался только делами внутреннего управления. Он ведал сбором общегосударственных доходов, управлял отвоеванными у Швеции землями (Прибалтика, Ижорская земля); при частых отъездах Петра I возглавлял правительство, с 1718 г. был президентом Военной коллегии. На этих постах выявились в полной мере не только большие административные способности Меншикова, но и отрицательные стороны его натуры, прежде всего непомерное тщеславие и корыстолюбие. Не довольствуясь огромными окладами и доходами с владений (где у него было до 100 тыс. крепостных), он стал на путь сомнительного предпринимательства, наживался на казенных подрядах, беззастенчиво брал взятки, присваивал казенные суммы и частные владения. С 1714 г. он постоянно находился под следствием за мно-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 443.

гочисленные злоупотребления и хищения, подвергался огромным денежным начетам. Лишь заступничество Петра I и его супруги Екатерины (сближению которой с Петром I способствовал Меншиков) спасало его от суда.

После смерти Петра I Меншиков, опираясь на гвардию, 28 января 1725 г. возвел на престол Екатерину I и стал фактически правителем России. В пору своего могущества Меншиков допустил ряд крупных ошибок, которыми воспользовались его противники из среды старой аристократии. Правда, он сумел занять первенствующее место в Верховном тайном совете, созданном в 1726 г. для ограничения его власти. Однако лагерь приверженцев Меншикова в этом совете фактически распался уже весной 1727 г., незадолго до смерти Екатерины I, когда решался вопрос о наследнике престола. Вопреки намерениям своих сторонников, желавших возвести на престол царевну Елизавету Петровну (дочь Петра I), Меншиков добился от умиравшей императрицы согласия на объявление наследником престола царевича Петра Алексеевича (внука Петра I) при условии его женитьбы на дочери князя Марии Меншиковой.

Династические замыслы Меншикова возбудили тревогу у его врагов — князя Д. М. Голицына и герцога Карла Голштинского, которые теперь еще интенсивнее старались подорвать его положение в Верховном тайном совете. Первым в их лагерь скрытно перешел опаснейший интриган вице-канцлер А. И. Остерман. Не мог теперь Меншиков надеяться и на других членов совета: ни на осторожного канцлера графа Г. И. Головкина, ни на генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина. Не были прочной опорой Меншикова его застольные друзья — генералы А. Я. Волков, А. И. Шаховской, Ю. И. Фаминцын, тайный советник А. В. Макаров, — не имевшие большого веса в придворной политике. Однако Меншиков не признавал всей грозившей ему опасности. По-прежнему обладая огромной властью, он принимал внешнее поклонение своих недругов за их безусловную покорность и был ослеплен воздаваемыми ему Петром II почестями: 13 мая 1727 г. Меншиков получил чин генералиссимуса, 25 мая состоялось обручение его дочери Марии с 12-летним императором. Меншиков был уверен в прочности своего положения. Между тем его противники составили заговор, имевший целью подорвать влияние всесильного временщика на юного царя, а затем арестовать его и, предъявив обвинения в государственных преступлениях, расправиться с ним, его семьей и приверженцами. Заговор сплотил виднейших представителей родовой аристократии — князей Голицыных и Долгоруких с людьми из новой знати, бывшими приверженцами Меншикова, вовремя угадавшими перемену политической ситуации при дворе.

Особенно коварную роль в заговоре играл Остерман, которого сам же Меншиков ранее назначил воспитателем к Петру II. Остерман умело настраивал не искушенного в политической игре мальчика-императора против светлейшего князя, указывая на его лихоимства, на умаление им авторитета и прерогатив самодержавной власти. Огромное влияние на Петра II оказывали также князья А. Г. и И. А. Долгорукие. Они поощряли юного царя к охоте, пьянству, картежной игре, порочным увеселениям, всячески пытались помешать ему общаться с Меншиковым и его семьей. Мало-помалу Меншиков стал замечать, что Петр II изменил к нему свое отношение. Император, действуя по указке своих многоопытных советников, явно уклонялся от деловых аудиенций, поспешно прерывал вынужденные беседы. Избегали встреч с Меншиковым и члены Верховного тайного совета. Лишь 4 сентября 1727 г. Меншиков решил выяснить свое положение, с трудом добившись приема у Петра II в царской резиденции в Петергофе. Встреча эта, длившаяся не более четверти часа, не оставляла сомнений в том, что над головой Меншикова сгустились грозовые тучи. 5 сентября он около часа с глазу на глаз беседовал с Остерманом, одним из главарей заговора. Разумеется, тот не сказал ничего определенного, однако Меншиков понял, что катастрофа близка и попытки предотвратить тайне подготовленный удар уже ни к чему не приведут².

У Меншикова была, пожалуй, единственная возможность предупредить заговорщиков. Используя сохранившуюся свободу действий, он мог уехать в Петербург и, выступая как президент Военной коллегии, поднять по тревоге гвардию и армейские полки, стать во главе войск и вынудить заговорщиков капитулировать. Правда, в случае не-

² Г. В. Есипов. Ссылка князя Меншикова. 1727. «Отечественные записки», 1860, № 8; 1861, №№ 1, 3.

удачи эта попытка могла бы стоить ему головы. Не потому ли Меншиков не отважился пойти на риск? Все еще на что-то надеясь, он ожидал успешного исхода событий.

Утром 8 сентября генерал С. А. Салтыков явился к Меншикову и зачитал ему приказ Петра II о домашнем аресте. В тот же день Петр II объявил Верховному тайному совету заранее подготовленный Остерманом указ о запрещении исполнять ранее отданные Меншиковым приказы и распоряжения. На заседании совета 9 сентября царь утвердил докладную записку Остермана, предусматривавшую ряд новых мер против Меншикова и его сторонников³. Петр II подписал указ о ссылке Меншикова с семьей, с лишением первого всех чинов и орденов («кавалерий») ⁴. 10 сентября Верховный тайный совет отдал распоряжение об опечатании документов канцелярии Меншикова, изъятии находившихся у него казенных сумм и драгоценных камней и запрещении упоминать в церковных службах имя бывшей невесты Петра II, Марии Меншиковой⁵.

Рано утром 11 сентября из Петербурга вышел огромный обоз из сотни подвод, увозивший Меншикова, его семью и родственников его жены в ссылку. Однако осенняя непогода, разбитые дороги и длинные стоянки в пути из-за частых приступов горловой чахотки у Меншикова задерживали продвижение обоза. Лишь 3 ноября 1727 г. конвойная команда доставила Меншикова и его семью в Раненбург (ныне г. Чаплыгин, Липецкой области), где ссылные были помещены в крепость под охраной команды из 180 солдат при 75 пушках⁶. Арестовав Меншикова, Верховный тайный совет не предъявил ему формального обвинения с указанием конкретных преступлений. Арест и последующая ссылка в Раненбург явились предварительной мерой пресечения, обеспечившей свободу расследования и установления виновности свергнутого временщика⁷. В ходе расследования «верховникам» нужно было собрать такие документальные улики, которые позволили бы представить свершившийся акт политической борьбы как законное юридическое обоснование действий против Меншикова. Улики должны были оказаться настолько очевидными, чтобы поставить также вопрос о конфискации имущества опального князя, в чем были заинтересованы и особы царствующего дома, и «верховники», и сановники более мелкого пошиба.

Неожиданный финал блистательной фортуны Меншикова породил и в России и за рубежом массу различных слухов о причинах постигшей его опалы. Эти слухи приобретали порой беспочвенный или неумеренный характер, особенно в зарубежной прессе⁸, но правительство Петра II не спешило с опубликованием официальной версии. К середине декабря 1727 г. был вчерне закончен первый этап следствия, в ходе которого удалось собрать частью достоверный, а частью сфальсифицированный материал для обвинения Меншикова в государственных и уголовных преступлениях. Верховный тайный совет подготовил два проекта манифеста, в которых обобщил обвинения, выдвинутые против князя. Окончательный вариант проекта манифеста «О винах князя Меншикова» обсуждался на заседании Верховного тайного совета 19 декабря⁹.

Публикуемый ниже проект (документ № 1) обвиняет Меншикова в том, что он угрозами принудил царя согласиться на бракосочетание с Марией Меншиковой, «чинил многие противности» царице Евдокии Федоровне Лопухиной, самовольно рассылал по учреждениям указы и повеления, которые не только «императорской власти противны, но и государству вредительны», вымогал казенные суммы, брал взятки, присваивал частные имения. Заготовленный проект не был утвержден Петром II. Это, очевидно, объяснялось тем, что важнейшие политические обвинения, выдвинутые там против Меншикова, легко опровергались документами, исходившими ранее от верховной власти. Например, Петр II манифестом от 5 мая 1727 г. сам объявлял о решении вступить в брак с «принцессой» Меншиковой «по нашему свободному намере-

³ «Сборник Русского исторического общества» (далее — Сб. РИО). Т. 69, 1889, стр. 270—272.

⁴ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1860, № 8, стр. 394.

⁵ Сб. РИО. Т. 69, стр. 273—274.

⁶ «Отечественные записки», 1860, № 8, стр. 399—403.

⁷ В. Н. Нечаев. Публикация о винах кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1921, № 7, стр. 96—97.

⁸ Там же, стр. 100—102.

⁹ Там же, стр. 103; сб. РИО. Т. 69, стр. 865.

нию»¹⁰; распоряжения о переводе царицы Евдокии Федоровны из Шлиссельбурга в Новодевичий монастырь были отданы не по единоличному указанию Меншикова, а утверждены решением Верховного тайного совета¹¹. Учитывая эти обстоятельства, Остерман, видимо, посоветовал Петру II воздержаться от публикации манифеста, который мог представить верховную власть в невыгодном свете.

Расследование дела Меншикова шло по трем главным направлениям. Первое было связано с установлением его политических преступлений — проступков и замыслов против царствующей династии. В этом отношении состав преступлений был очевиден, и следователи не проводили углубленных изысканий, тем более что это было по ряду причин нежелательно как для Петра II, так и для «верховников», способствовавших в свое время возвышению Меншикова. Второе направление сосредоточилось на сборе материалов об уголовных преступлениях Меншикова, об ущербе, причиненном им государственной казне, частным владениям и капиталам путем хищений, вымогательств, подлогов и взяток. Осенью определилось третье направление расследования, построенное на фальшивых обвинениях Меншикова в государственной измене, в передаче шведским властям секретнейшей политической и военной информации о России. Материалы обвинения были сфабрикованы русским посланником в Стокгольме графом Н. Ф. Головиным при активной поддержке Остермана. Узнав о ссылке Меншикова, Головин в донесении к Петру II от 29 сентября 1727 г. писал, что по полученным им агентурным сведениям представители антирусской группы в шведском правительстве сожалеют о падении Меншикова¹². Донесение Головина позволяло (при получении более подробных «фактов» об «измене» Меншикова) направить затянувшееся следствие по кратчайшему пути и давало в руки заинтересованных лиц важный материал для немедленной расправы с «государственным изменником». На заседании Верховного тайного совета 13 октября было решено направить Головину предписание о сборе новых фактов относительно «измены» Меншикова¹³.

В донесении от 20 октября Головин сообщал, что «надежный и верный приятель» объявил ему о письме Меншикова к шведскому сенатору Дибену от 1725 г., в котором говорилось о том, чтобы Швеция безобоязненно подписывала Ганноверский союзный трактат¹⁴, несмотря на противодействие русского правительства. Далее Головин констатировал, что Меншиков многократно информировал шведского посла в Петербурге барона Цедеркрейца «о происхождении дел» при русском дворе (о чем, в частности, говорится якобы в реляциях и частных письмах Цедеркрейца) и что Меншиков получил от шведского посла за шпионские сообщения 5 тыс. червонцев в английской валюте¹⁵. Без какой-либо дополнительной проверки домыслы Головина и его осведомителей легли в основу нового следствия по обвинению Меншикова в «государственной измене».

12 ноября Верховный тайный совет вынес решение об отправлении в Раненбург президента Доймочной канцелярии И. Н. Плещеева для производства нового дознания по делу Меншикова, вручив ему допросные пункты, касающиеся «измены» князя и его обвинений в расхищении государственной казны¹⁶. Плещееву было предписано допросить Меншикова «с принуждением и угрозами, что ежели он подлинно о том о всем, как у него происходило, не объявит, то с ним иначе поступлено будет»¹⁷. Верховный тайный совет утвердил два экземпляра допросных пунктов для следствия по делу Меншикова в Раненбурге. Первый экземпляр содержал пять вопросов, касающихся «изменнических» сношений Меншикова с государственными деятелями Швеции, а также вымогательства Меншиковым 80 тыс. руб. и других сумм у герцога Голштинского и его супруги царевны Анны Петровны. Второй экземпляр допросных пунктов

¹⁰ Сб. РИО. Т. 63, 1888, стр. 62.

¹¹ Там же. Т. 69, стр. 123—124; В. Н. Нечаев. Указ. соч., стр. 108—112.

¹² Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1861, № 1, стр. 65.

¹³ Сб. РИО. Т. 69, стр. 512.

¹⁴ Союзный трактат, заключенный между Англией, Францией и Пруссией 3 сентября 1725 г. в Ганновере, был направлен против России, усиление которой на Балтике вызвало недовольство этих стран. Швеция примкнула к трактату 14 марта 1727 года.

¹⁵ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1861, № 1, стр. 65—66; сб. РИО. Т. 69, стр. 530—531.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 69, стр. 738—740.

¹⁷ Там же, стр. 770, 772.

содержал восемь вопросов, связанных со служебными преступлениями Меншикова корыстного свойства: присвоением казенных денег, невозвращением полученных сумм, неплатежом в казну различных сборов.

Отправив 13 декабря Плещеева в Раненбург, Верховный тайный совет на заседании 19 декабря снова вернулся к рассмотрению дела Меншикова. На этом заседании Петр II, исходя, видимо, из рекомендаций Остермана и Долгоруких, приказал конфисковать вотчины и поместья Меншикова, оставив ему на пропитание «Ораниенбург и к тому в прибавку, чтоб всех было до тысячи дворов»¹⁸. Таким образом, еще до начала нового следствия значительная часть владений Меншикова перешла в дворцовое ведомство. Арестованные 13 декабря и содержавшиеся в Петропавловской крепости секретари Меншикова Ф. Вист, С. А. Вульф и А. Яковлев были 30 декабря допрошены следственной комиссией Верховного тайного совета. В своих показаниях они решительно отрицали наличие враждебной интересам России корреспонденции в бумагах Меншикова и не дали следствию никаких данных к изобличению их бывшего шефа в «измене»¹⁹. Не было, очевидно, обнаружено никаких документов, компрометирующих Меншикова, и в его канцелярии, в которой с 23 сентября работала специальная комиссия в составе обер-секретарей В. Степанова, А. Маслова и И. Юрьева²⁰.

Таким образом, документальных улик по главному против Меншикова обвинению в «измене» не удалось выявить ни при просмотре канцелярии опального князя, ни при допросе его бывших секретарей. В этих условиях Верховному тайному совету важно было установить, как отнесется к предъявленным обвинениям сам Меншиков, не проговорится ли он в чем-либо Плещееву при допросах, испугавшись возможных пыток? Плещеев приехал в Раненбург 5 января 1728 года. В тот же день он опечатал корреспонденцию Меншикова и отобрал у него и членов его семьи кавалерские знаки русских и иностранных орденов. При этом Меншиков предусмотрел основной пункт обвинения, неосторожно заявив следователям, что «он де знает, чего больше ищите, что от чужестранных карашподентов писем, которых де у него нет, и он с ними карашподенции тайно не имел»²¹. Следователь счел необходимым внести в протокол это несомнительно сделанное Меншиковым заявление.

6 января 1728 г. Плещеев приступил к допросу Меншикова по главному обвинению — в «государственной измене». Меншиков решительно отрицал три первых пункта обвинения. По четвертому пункту, касающемуся вымогательства Меншиковым 80 тыс. руб. у Карла (герцога Голштинского) и его супруги, он сообщил, что эти деньги были добровольно обещаны ему герцогской четой через голштинского министра графа Бассевича за хлопоты по утверждению завещания («тестамент») Екатерины I²². Фактически же он, Меншиков, 80 тыс. руб. так якобы и не получил. Специально исследовавший этот вопрос историк В. Н. Нечаев признает (правда, с некоторыми оговорками) справедливость данного показания Меншикова²³. 8 января Плещеев еще раз попытался добиться признаний Меншикова относительно его «изменнических сношений» со шведским правительством и посланником Швеции в Петербурге Цедеркрейцем. Однако и на этот раз обвиняемый доказал, что при всем его корыстолюбии он не мог пойти на сделанные ему в свое время выгодные предложения со стороны шведских дипломатов потому, что речь шла о государственных интересах России²⁴. Вообще следует отметить, что ни следствие в Раненбурге, ни проводившиеся одновременно с ним розыски компрометирующих материалов в бумагах канцелярии Меншикова в Петербурге не дали документальных фактов, изобличающих Меншикова в «изменнических» сношениях со Швецией²⁵. Улики по главному обвинению против Меншикова в «измене» сводились в основном к донесениям Н. Ф. Головина, сфабрикованным в своекорыстных, карьеристских целях, в порядке прислужничества перед победившей дворцовой группировкой.

¹⁸ Там же, стр. 898—899.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, лл. 27—33 об.

²⁰ Сб. РИО. Т. 69, стр. 348.

²¹ См. документ № 2 данной публикации.

²² См. документ № 3 данной публикации.

²³ В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 134—140.

²⁴ См. документ № 4 данной публикации.

²⁵ В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 127, 130.

8 января следственная комиссия приступила к допросу Меншикова и по второй группе допросных пунктов, касавшихся преступлений корыстного свойства. Общая сумма чачета на Меншикова составляла около 110 тыс. руб., 1 000 ефимков и 100 червонцев золотом. В своих показаниях по этим пунктам обвинения²⁶ Меншиков признался лишь в том, что не возвратил в казну 100 червонцев золотом. Большинство же обвинений он аргументированно отвел, ссылаясь на документы верховной власти и на таких свидетелей, как Остерман, граф Левенвольд и кабинет-секретарь А. В. Макаров. Обстоятельные объяснения Меншикова существенно поколебали силу предъявленных ему обвинений в корыстных преступлениях. По существу, он не смог оправдаться в сумме, не превышавшей 20 тыс. руб., огромной в принципе, но ничтожно малой для Меншикова. Провал обвинения по этим статьям объяснялся, по-видимому, тем, что следствие, наспех подбирая материалы, не успело собрать серьезные документальные улики.

10 января Плещеев отправил в Верховный тайный совет донесение, в котором сообщал, что Меншиков в ходе следствия решительно отвергал важнейшие пункты обвинения («государственная измена»), признавая себя виновным лишь по некоторым второстепенным допросным пунктам, касающимся проступков корыстного свойства. Это донесение рассматривалось на заседании совета 16 января. Петр II, присутствовавший на заседании, согласился с мнением «верховников» о ссылке Меншикова в один из отдаленных восточных городов: «в Вятку или в иной, которой отдаленной, и содержать при нем караул не так великой»²⁷. Этим поведением судьба Меншикова, казалось, была уже решена, но Верховный тайный совет (куда 3 февраля были назначены князья А. Г. и В. Л. Долгорукие) не спешил выполнять распоряжение императора. «Верховники» были заняты более важным для них лично делом: они усиленно хлопотали о царских милостях в связи с предстоящей коронацией Петра II. Коронация состоялась 25 февраля, вслед за ней начались бесконечные празднества, занявшие почти весь март 1728 года. И если о самом Меншикове на время забыли, то не забыли продолжать начатую ранее работу по переписи и конфискации его имущества. В течение 1727 г. и последующих лет у Меншикова было конфисковано 6 городов (Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Ямполь, Батурин), 1 023 села и деревни с 21 070 дворами и 30 133 душами мужского пола²⁸. Большая часть конфискованных владений и изъятых денежных сумм была передана государственной казне и дворцовому ведомству. Немало поживились при дележе меншиковского имущества члены царской семьи и «верховники».

К решению судьбы Меншикова Верховный тайный совет возвратился в конце марта 1728 года. Поводом к этому послужило подметное письмо, найденное 24 марта у Спасской башни Московского Кремля. Письмо это, судя по официальной версии, было наполнено «всякими плутовскими и лживыми внушениями, доброхотствуя и заступая за бывшего князя Меншикова» и «с ведома его, Меншикова, или еще и по его научению писано»²⁹. В результате проведенного розыска не было обнаружено ни автора письма, ни его сообщников. Однако властям удалось узнать о попытках свояченицы Меншикова А. М. Колычевой облегчить участь Д. М. Меншиковой и ее детей путем подкупа лиц, вхожих к царице Евдокии Лопухиной³⁰.

Но еще до начала расследования по делу А. М. Колычевой Верховный тайный совет вынес окончательное решение по делу Меншикова и его семьи. На заседании совета 27 марта 1728 г. сначала было решено сослать Меншикова в Пустозерский острог с женой, сыном Александром и дочерью Александрой, а старшую дочь Марию — в Горицкий девичий монастырь на Белоозеро³¹. В окончательном протоколе совета, подписанном 4 апреля³², местом ссылки для всей семьи Меншикова был назначен город Березов в Сибири. В перемене решения относительно Марии Меншиковой была выражена, очевидно, последняя милость Петра II к своей бывшей невесте,

²⁶ См. документ № 5 данной публикации.

²⁷ Сб. РИО. Т. 79. 1891, стр. 25, 29.

²⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 160, № 1, ч. 3, лл. 174 и об.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, л. 109.

³⁰ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1851, № 1, стр. 74—81.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, лл. 118, 120, 124.

³² См. документ № 7 данной публикации.

которой он предоставил возможность следовать в ссылку вместе с семьей и избавил ее от монашеской скуфы. Политические враги Меншикова, опираясь на Петра II, свершили актом от 4 апреля окончательную расправу над некогда всеильным временщиком, бывшим «полудержавным властелином» России (по выражению А. С. Пушкина).

16 апреля 1728 г. из Раненбурга вышел обоз, отвозивший Меншикова и его семью в сибирскую ссылку. 10 мая у села Верхний Услон под Казанью Меншиков схоронил умершую в пути жену. 15 июля ссыльных доставили в Тобольск. И, наконец, 17 июля Меншиковы прибыли к месту ссылки. Ссыльных поместили в одной из казарм местного острога. Картина В. И. Сурикова «Меншиков в Березове» верно передает ту обстановку и то состояние духа, в которых находились Меншиков и его дети в дни ссылки.

Расправа над Меншиковым была легкой, но бесславной победой родовитой аристократии. Руководствуясь корыстными, узкокастовыми интересами, правящая дворцовая партия отстранила от государственного управления одного из даровитых сотрудников Петра I. Это событие в известной мере было следствием реакционного курса старой аристократии, которая, упрочивая свое господствующее положение, неуклонно отдалялась от государственных интересов и нужд народа, откачивалась от прогрессивных начинаний Петра I, создавала почву для «бионовщины» и для того строя, который В. И. Ленин определял как «самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»³³.

Меншиков прожил в сибирской ссылке менее полутора лет. Скончался он 12 ноября 1729 г. и был погребен у алтаря выстроенной его же руками деревянной церкви. Полтора месяца спустя умерла Мария Меншикова³⁴. Донесения об их смерти дошли до Петербурга уже тогда, когда самого Петра II не было в живых: он скончался от оспы 19 января 1730 г., в день, назначенный для его свадьбы с княжной Екатериной Долгорукой. Справедливости ради следует отметить, что незадолго до смерти Петр II, испытывая, очевидно, угрызения совести и сознавая несправедливость своего решения по меншиковскому делу, отдал распоряжение о возвращении детей Меншикова из ссылки. Они вернулись из Сибири в Петербург в 1730 г., и им была возвращена некоторая часть конфискованного имущества их отца.

Публикуемые здесь документы следственного дела Меншикова извлечены из фонда канцелярии министерства юстиции, находящегося в Центральном государственном архиве СССР в Ленинграде³⁵. Документы эти с 1728 г. хранились в Сенатском архиве. В 1832 г. они были представлены министром юстиции Д. В. Дашковым Николаю I³⁶. Ознакомившись с секретным делом Меншикова, Николай I возвратил его в министерство юстиции. В архив оно не попало, а затерялось среди бумаг текущего делопроизводства канцелярии министерства юстиции за 1832—1833 годы. Вот почему секретное дело о Меншикове находилось в неизвестности для историков почти целое столетие. Ничего не знал о нем, в частности, исследователь вопроса о ссылке Меншикова Г. В. Есипов, изучавший и опубликовавший некоторые документы из другого (несекретного) следственного дела о Меншикове (из Государственного архива МИД)³⁷. Не знали о существовании секретного дела и авторы биографических очерков о Меншикове Б. Д. Порозовская и А. А. Голомбиевский³⁸, опиравшиеся в своих работах на исследование Г. В. Есипова.

В 1918 г. секретное следственное дело Меншикова попало, наконец, в руки специалиста. Его случайно нашел историк-архивист В. Н. Нечаев, разбирая бумаги бывшего министерства юстиции. Основываясь на документах этого дела, В. Н. Нечаев написал две упомянутые выше статьи, которые осветили неясные дотопе страницы следствия по делу Меншикова и обоснованно сняли с него тень подозрений в «государственной измене». Однако статьи В. Н. Нечаева остались вне поля зре-

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 252.

³⁴ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1861, № 3, стр. 37.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1860, № 8; 1861, №№ 1, 3.

³⁸ Б. Д. Порозовская. А. Д. Меншиков. Его жизнь и государственная деятельность. СПб. 1895; А. А. Голомбиевский. Сотрудники Петра Великого. Граф П. И. Ягужинский. Князь А. Д. Меншиков. СПб. 1903.

ния широких кругов читателей и, более того, оказались забытыми даже некоторыми специалистами. Следует отметить, например, что статей В. Н. Нечаева и подлинных материалов секретного меншиковского дела не знал, в частности, писатель Александр Соколов, автор обстоятельно документированного исторического романа «Меншиков» (М. 1965).

Ниже публикуются семь документов из следственного дела А. Д. Меншикова с нашими примечаниями.

Р. В. Овчинников

№ 1

ПРОЕКТ МАНИФЕСТА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КН. А. Д. МЕНШИКОВА ПРОТИВ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА

19 декабря 1727 г. *

Форма публикации о винах князя Меншикова.

Божию милостию мы, Петр Второй, император и самодержец Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая, чрез сие объявляем. Понеже князь Меншиков при вступлении нашем на российский наш наследный престол не точию прежние неумеренные и худые свои поступки (которые ему тогда оставлены были единым токмо милосердием и щедротами предков наших, их императорских величеств) оставил, но и такую на себя амбицию взял и самовластно и прöderзостно поступал, что весьма самодержавной нашей императорской власти противно и государственным интересам вредительно, а именно:

1. По преставлении бабки нашей, блаженныя и вечнодостойныя памяти ея императорского величества, принудил нас жить в доме своем, лукавно представляя и внушая** нам некоторые в правительстве нашем опасности, и потом дерзнул нас принудить на публичный зговор к сочетанию нашему на дочери своей, княжне Марье, уграживая, ежели б мы на то не соизволили, весьма нам противным и вредительным злым своим намерением.

2. Бабке нашей, великой государыне царице Евдокее Феодоровне, чинил многия противности, которых в народ публично объявить не надлежит***.

3. Розсылал от себя в коллегии и канцелярии наши, также к губернаторам и к другим правителям повелительныя указы без ведома и соизволения нашего и без общего согласия Верховного тайного совета², которая не точию нашей императорской власти противны, но и государству вредительны.

4. Он же, князь Меншиков, ис казны нашей из разных мест и разными образы забрал к себе денег немалыя суммы и вымышленно в некоторые канцелярии, отсудственные от Санкт-Петербурха, указами от себя писал, повелевая, чтоб ни о ка-

* Датировано по тексту журнала Верховного тайного совета от 19 декабря 1727 г., где сообщается, что в этот день была «чтена публикация о винах князя Меншикова; и поправлена и приказано объявить барону Андрею Ивановичу Остерману» (Сб. РИО, т. 69, 1889, стр. 865).

** В черновом варианте манифеста далее следовал вычеркнутый позднее текст: «Будто предков наших, их императорских величеств, их императорския дома к нашему пребыванию не точию не довольны, но и весьма нездоровы. Министром же нашим Верховного тайного совета объявлял будто на то, чтоб жить в доме ево, собственное наше соизволение есть. И потом в доме своем» (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, л. 36 об.).

*** В черновом варианте манифеста далее содержится следующий текст: «Когда бабка наша, великая государыня царица Евдокея Феодоровна, желала с нами видетца и о том к нему, князю Меншикову, прислано было от ея величества письмо, тогда он не точию до того не допустил, но и то письмо без воли и ведома нашего назад возвратил и потом тайным образом к ея величеству посылал от себя князь Алексея Шаховского до Степана Лопухина с таким представлением, чтоб ея величество присла [ла] к нему письмо в такой материи, будто изволит иметь намерение жить в Москве в Новодевичье монастыре¹. И по тому ево принуждению такое письмо к нему, Меншикову, прислано, по которому он под образом ея величества соизволения в тот монастырь послал ея величество без ведома и соизволения нашего» (там же, л. 37).

ких приходах и расходах в надлежащая по указом места не репортовали, кроме ево одного, закрывая тем свои продерзости и злые поступки.

5. Сверх того, повреждая наши и государственные интересы, брал великия взятки, между которыми дерзнул взять его королевского величества герцога голстинского у министра Стамкина 60 000 рублей из тех денег, которые выданы ис казны нашей ея высочеству, тетке нашей, цесаревне Анне Петровне, и его королевскому высочеству³. Да из имеющегося нашего казенного долгу на иноземца Марлии⁴ из осмидесяти тысяч рублей, которые отданы его королевскому высочеству по прошению ево в награждение⁵, выговорил он, князь Меншиков, себе половину, а имянно 40 000 рублей, и в то число уже взял 2 000 рублей⁶.

6. В Лифляндии и Эстляндии знатные маетности у некоторых особ отнял чрез составные и фальшивые контракты, принуждая их к тем своими угрозами за малые деньги, а в контрактах писал бутго им от него плачены настояция цены⁷.

7. В протчих же ево, князя Меншикова, поступках и злых намерениях, и какие им казне нашей чинены ущербы, а поданным нашим обиды, о том отчасти повелели мы изследовать, отчасти же, которые не подлежат до публикации, содержатца секретно*.

8. И хотя он, князь Меншиков, за такия свои против нашей императорской самодержавной власти продерзости и вредительные государству поступки по государственным правам довелся смертной казни, но понеже мы, яко христианский монарх, от смертной казни ево освободить повелели, а лиша всех ево честей и чинов, со всею ево фамилиею послан в ссылку в Аранибурх и содержатца* из крепости неисходны.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 108, лл. 39—41. Подлинник.

№ 2

ЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА ОБ ОБЫСКЕ В ДОМЕ КН. А. Д. МЕНШИКОВА В РАНЕНБУРГЕ

5 января 1728 г.

1728-го генваря 5-го дня действительной статской советник господин Плещеев и при нем лейб-гвардии капитаны Петр Мельгунов, Степан Пырской, ундер-лейтенант Семен Ресин ходили к князю Меншикову для взятъя ковалерей и запечатавания писем. И при том оной Меншиков говорил: он де знает, чего больше ищите, что от чужестранных карашподентов писем, которых де у него нет, и он с ними карашподенции тайно не имел⁹. Иван Плещеев. Капитан Степан Пырской. Капитан Петр Мельгунов. Ундер-лейтенант Семен Ресин.

При вышеописанных разговорах сержант Яков Батюшков был. При вышеписанных разговорах был и слышал копейист Иван Таушев.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, л. 11. Подлинник.

№ 3

ЗАПИСЬ ПОКАЗАНИЙ КН. А. Д. МЕНШИКОВА НА ДОПРОСЕ В СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В РАНЕНБУРГЕ

6 января 1728 г.

По указу его императорского величества и по пунктам, данным из Верховного тайного совета действительному стацкому советнику господину Плещееву¹⁰, в прибытие ево в Ранибурх генваря 6 дня сего 728 году при нем, господине Плещееве, и гвардии при капитане Мельгунове князь Меншиков допрашиван. И при том ему, кня-

* В черновом варианте манифеста далее содержится следующий текст: «А партикулярным людем обиды о том указом нашим повелено изследовать Сенату⁸, и обидимым по правам надлежащее удовольствие учинить» (там же, л. 38).

зю Меншикову, объявлено: дабы он сказал самую истинную правду без допущения с ним дальних поступок, а ежели он будет в чем заператца, а явитца и сыскано будет мимо ево, тогда уже с ним иначе поступлено будет. А в допросе он, князь Меншиков, сказал:

На 1-й пункт:

В 1727 году, во время сейму в Швеции, прежде приступления короны швецкой к ГанOVERскому союзу, от себя письма на немецком языке за подписью своей руки к сенатору швецкому Дибену, в котором бы в начале означено о получении от того Дибена письма, а потом писано уверение ево, князя Меншикова, в службах х короне швецкой, и чтоб она, несмотря на сильныя представления и угрозы с росиской стороны от министров, к ГанOVERскому трактату приступила¹¹, понеже он гарантирует, что с стороны росиской ничего опасатца не надлежит, ибо власть в войске содержитца у него в руках и наипаче, что тогда здоровье ее величества государыни императрицы зело в слабом состоянии, и чаял он, что век ее долго продолжитца не может, чтоб в то время оное ево приятельское внушение Швеции не было забвенно, ежели ему какая помощь надобна будет, такова письма он, князь Меншиков, к нему, Дибену, не писывал и писать никому не веливал и ни с кем ни через кого не посыывал, и никаким образом не намерен, и в мысли у него не было, по силе такого письма, по согласию с Швециею в действо производить. И о том канцептов * или черных писем никаких у него нет и не бывало. Также к нему Дибену и другим швецким министрам таких подобных писем не писывал и ни чрез кого не посыывал. И от помянутого Дибена и от иных из Швеции к нему, князю Меншикову, таких писем не было и у него нет. И никакой помощи ни в которое время и ни для какова случая он не требовал. А писал к нему два или три письма, а подлинно сказать — не упомнит, из Швеции бывшей посол Цыдергейм¹² токмо о здоровье и о сватовстве дочери ево за графа Пипера. На которые письма он, князь Меншиков, к нему Цыдергейму писал також о здоровье, а не о подозрительных делах. А окроме тех писем ни х кому не писывал, разве хто под ево руку подписался, как и преж сего от Цояркова и от Друкорта под ево руку подписано¹³.

Александр Меншиков.

На 2-й [пункт] князь Меншиков сказал:

Обретающемуся в Санкт-Петербурхе швецкому посланнику барону Цедеркрейцу ни при каких случаях о происхождении дел при дворе его императорского величества тайных и противных императорскому величеству и ко всему Росискому государству, и что он, князь Меншиков, нимало не противен о приступлении короны швецкой к ГанOVERскому трактату, не объявлял и поступок в том швецкого первого сенатора графа Горна не похвалял. И помянутой посланник Цедеркрейц ко двору своему о том писывал ли, — того он не ведает. А перед посылкою ево, князя Меншикова, в Ранебурых недели за две или за три приходил к нему помянутой посланник Цедеркрейц и объявлял о пограничных ссорах между подданными с росиской стороны с швецкими. И он, князь Меншиков, писал о том в Выборх к Шувалову и к Порошину¹⁴, чтоб между ими ссор никаких не было, которые ево подлинные письма имеютца у них, Порошина и Шувалова, а черные отпуски — в походной ево канцелярии.

Александр Меншиков.

На 3-й пункт князь Меншиков сказал:

У швецкого посланника барона Цедеркрейца и у других ни у кого с швецкой стороны в подарок ни за какие посланные от него, князя Меншикова, письма к сенатору Дибену и ни х кому пяти тысяч червонных и ничего ни чрез кого не бирали и принимать никому не веливал.

Александр Меншиков.

На 4-й пункт князь Меншиков сказал:

Когда отъезжали ис Петербурха в Голштиндию королевское высочество герцог голштинской и ея высочество цесаревна и герцогиня Анна Петровна¹⁵, и по указу

* Канцепт — акт, документ.

его императорского величества определено им было дать триста тысяч рублей, и за то и ни за что тогда и никогда он себе будто за труды осмидесят тысяч не вымогал. И ис тех денег и с казны штидесят тысяч рублей и ничего насильно и никаким образом не бирывал и брать никому не веливал. И в достальных дватцати тысячах рублях от их высочеств никакого обязательства ему не дано, и он не имывал. И росписки никакой, ни письма за своею и ни за чьею рукою его королевскому высочеству и никому во оных штидесяти тысячах рублях не давал и давать никому не веливал, разве за нижеобъявленные деревни в деньгах росписки какой не дано ль, — и того не упомнит для того, что справитца не с чем: канцелярии и писем нет, а письма немецкия и русские в Санкт-Петербурхе в походной и в домовой канцелярии.

А при отправлении его королевского высочества в Голштиндию приходил в дом к нему, князю Меншикову, от его королевского высочества граф Башевич и объявил ему, что его королевское высочество пожаловал ему амт* в Голштиндии или сто тысяч рублей, а брать бы ему те деньги ис казны его императорского величества из данных королевскому высочеству ис трехсот тысяч, ото ста тысяч по двадцати тысяч рублей, а росписыватца они будут во всех. И он, князь Меншиков, за то благодарствовал, а денег и амту не требовал. А против того говорил: разве бы вместо того амту его королевское высочество изволил пожаловать деревни те, которые он наперед того торговал у него, Башевича и у генеральши Ренши и у Принценстерна¹⁶. И потом оной Башевич на оные свои деревни также и на половину генеральши Ренши и от Принценстерна, которые ему, Принценстерну, даны по смерть, прислал к нему, князю Меншикову, купчие с секретарем Вистом. А на сколько по цене тех деревень, — о том явствует подлинно в тех купчих, токмо для выкупу во оных деньги писаны вдвое. И объявляет по истинной своей совести, что в тех купчих хотя и написано будто за оные деревни деньги взяты у него, князя Меншикова, токмо он таких денег не давал и купчие взял безденежно. Токмо оному Башевичю за лошадей и за котлы и за прочие домовые припасы, которые в помянутых деревнях ево были, заплатил он, князь Меншиков, тысячи две или три, а подлинно сколько заплачено, — того он не упомнит. И помнитца ему, князю Меншикову, что он о помянутых деревнях, которыми его королевское высочество ево пожаловал, своим министрам объявлял¹⁷.

Александр Меншиков.

На 5-й [пункт] князь Меншиков сказал:

При отъезде их высочеств из Петербурха, когда дан от его императорского величества вместо презента имеющейся казенной долг на аглицком купце Марли, и он, князь Меншиков, ис того у их высочества насильным образом половины не выговаривал¹⁸. А как еще при животе ея императорского величества помянутой долг дан был их высочествам, и тогда приходил к нему, князю Меншикову, граф Башевич и просил ево, чтоб он во взятые оного долгу на нем, Марли, им помогал, и ежели того долгу сколько получают, ис того за то обещал ему, князю Меншикову, дать половину. И при отъезде их высочеств ис Петербурха министр его королевского высочества Штамкин оных денег прислал к нему две тысячи рублей с атьютантом Ливеном, и оные деньги он у него принял, а росписку Ливин дал ли, — того он не знает. Только он, князь Меншиков, ему, Башевичю, говорил, что того долгу на нем, Марли, взять невозможно. И он, Башевич, говорил, что де ни возьметца — и то годитца на вино.

Александр Меншиков.

К вышеописанным допросам князь Меншиков на вопрос в дополнение сказал:

Письма, которые из Швеции бывшей посол Цедергейм писал к нему о здоровье и о сватовстве дочери ево за графа Пипера, и те письма ныне где обретаютца, — того он не ведает, а читали ему, князю Меншикову, те письма секретари Вист или Вульф, а кто из них подлинно читали, — того он не упомнит. Также которые письма от него, князя Меншикова, к нему, Цедергейму, писаны, и те письма писали оные ж секретари Вист или Вульф, а кто из них подлинно писал и черные ныне где, — того он не упомнит, а белые письма посланы были в Швецию чрез обыкновенную почту. От королевского высочества на деревни крепости безденежно и денег из долгу Марлиева

* Амт — владение, имение.

две тысячи рублей без воли его императорского величества принял для того, что королевское высочество тем ево, князя Меншикова, пожаловал; также и другие государи разными вещами и деревнями ево жаловали. А чтоб того: кто чем кого пожалует, не брать, — такова указу он не слышал.

Александр Меншиков.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, л. 15—22. Подлинник.

№ 4

ЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В
РАНЕНБУРГЕ О РАЗГОВОРАХ А. Д. МЕНШИКОВА ОТНОСИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРА ЕГО
ЧАСТНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ С ШВЕДСКИМ ПОСЛАННИКОМ ЦЕДЕРКРЕЙЦЕМ
В 1726 ГОДУ

8 января 1728 г.

1728 генваря 8 дня, когда князь Меншиков в полате, где он живет, допрашиван по второму пункту, о объявлении чрез ево, князя Меншикова, швецкому посланнику Цедеркрейцу о происхождении дел при дворе его императорского величества, и притом оной князь Меншиков в разговорах говорил: с швецкой де стороны и много разговоров бывало, и говорено, чтоб им отдать Ригу и Ревель, и из Выборха Шувалова и Порошина вывезть и определить иноземца, и за то обещали ему, князю Меншикову, отдать во владенье Ревель и зделать ево князем в-Ингрии. И он, князь Меншиков, по верности своей к его императорскому величеству и к всему Росискому государству, того не учинил.

Тот разговор был при стацком действительном советнике господине Плещееве, лейб-гвардии при капитане Петре Мельгунове, да при канцеляристе Иване Бушуеве. Петр Мельгунов. Иван Плещеев. Канцелярист Иван Бушуев.

Потом стацкой действительной советник Плещеев, вышед в другую палату, объявил лейб-гвардии капитану Пырскому и подпорутчику Ресину, чтоб они приступили ко входной двери, и где они сидят с ним, князем Меншиковым, и чрез сукно слушали, что в разговорах князь Меншиков говорит. И для того, вступя по-прежнему в палату к князю Меншикову о вышеписанных разговорах наки начал ему, князю Меншикову, напоминать, чтоб он в те разговоры вступил и оныя б афицеры то могли слышать. И он, князь Меншиков, в те разговоры вступил и наки говорил, как выше объявлено. И по окончании тех разговоров и по выходе от князя Меншикова ис полаты у помянутых афицеров Пырского и Ресина спрашивано, что оныя разговоры слышали ль? На что они объявили, что всего разговору подлинно они не слышали, а из разговору князя Меншикова слышали, что он говорил: «Ингрия де и так ево, к тому ж и Ревель». Капитан Степан Пырской. Подпорутчик Семен Ресин.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, л. 23 и об. Подлинник.

№ 5

ЗАПИСЬ ПОКАЗАНИЙ КН. А. Д. МЕНШИКОВА НА ДОПРОСЕ В СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В РАНЕНБУРГЕ

8 января 1728 г.

Пункты, по которым повелено допросить князя Меншикова¹⁹. И генваря 8-го дня сего 1728 году князь Меншиков при действительном статском советнике господине Плещееве и гвардии при капитане Мельгунове допрашиван, а в допросе сказал:

1-й пункт. Показано на тебе доимки ис Камор-колегии, а имянно: в неплатеже таможенных пошлин за взятыя в дом твой питья, с лавок — оброчных денег, и по присланном ис Танбовской провинции репортам за Троицкую Лебедянскую ярмонку — пошлин же и в отпуску из Соляной канторы — траурных товаров; всего 32855 рублей 35 копеек, о чем подробная роспись тебе объявляетца²⁰. Оная доимка и за взятыя товары и питья деньги — от тебя плачены ли, и буде плачены, — есть ли в том отписи или чьи росписки, и буде есть, — оныя объяви.

На 1-й пункт [ответ кн. А. Д. Меншикова]:

Оные таможенные пошлины и за взятая питья в дом ево и с лавок оброчные деньги, и за Троицкую Лебедянскую ярмонку пошлины ж, и за отпуск из Соляной канторы траурных товаров, — 32855 рублей 35 копеек плачены ль, и в платеже отписи или чьи росписки есть ли, — о том он не ведает, а есть о том всякое известие в домовой ево канцелярии в Питербурхе. А по указу ея императорского величества 725 году декабря 22 дня никаких штрафов и начетов по 721 год взыскивать на нем и на жене ево и на детях не велено, о чем дан ему указ из Сената за руками сенатскими²¹.

Александр Меншиков.

2-й [пункт]. В прошлом 1724 году по указу блаженные и вечно достойные памяти его императорского величества взял ты из Военной коллегии 10 000 рублей, которые надлежало возвратить в полтора года. А ныне из Военной коллегии подано доношение, что тех денег от вас не плачено. И те деньги от вас плачены ль, и буде плачены, — в которое время и есть ли в том росписки, и буде есть, — оные объяви.

Князь Меншиков сказал на 2-й [пункт]:

Помянутых взятых из Военной коллегии в 724 году 10 000 рублей в Военную коллегию он не платил, для того что х коронации ея императорского величества взят у него камень лал²², и за тот камень его императорское величество словесным своим приказом ему повелел, чтоб до указа тех денег — 10 000 рублей — в казну не платить, за что обещал и паки наградить.

Александр Меншиков.

3-й [пункт]. По письмам твоим в Москве из Дворцовой канцелярии отдано в дом твой 53679 рублей, о которых в Верховный тайный совет доношением объявил, что то число получил по указу блаженные и вечнодостойные памяти ея императорского величества на платеж графу Сапеге²³, которого указу по справкам не явилось. И такой указ имеешь ли и буде имеешь, — объяви.

Князь Меншиков сказал на 3-й [пункт]:

По письмам ево в Москве из Дворцовой канцелярии 53679 рублей в дом ево отданы, о которых он в Верховный тайный совет доношением объявил, что то число получил по указу блаженные и вечнодостойные памяти ея императорского величества на платеж графу Сапеге. И такого письменного указа он не имеет. А взял оные деньги по словесному ея императорского величества приказу. И надлежало ему, князю Меншикову, взятые из казны за данные деньги, которые он дал за дочь в приданые графу Сапеге — 80000 рублей. И в то число оные деньги 53679 рублей и приняты, и о тех деньгах, что государыня императрица указала ему возвратить, приезжая, объявляли ему вице-канцлер барон господин Остерман и граф Левольд, и кабинет-секретарь Макаров, — о том ведал. А еще не возвращено 30000 рублей, о чем ево и Сапегин подан счет в Верховный тайный совет.

Александр Меншиков.

4-й [пункт]. Полковник Трезин²⁴ объявил в ведомостях своих, что в 727 году издержано к дому твоему всяких материалов и припасов по цене и заработных денег надлежит взять — 13164 рубль²⁵. Оные расходы он, Трезин, чинил по твоему приказу, и толикое число. И буде по твоему приказу те деньги и материалы от вас плачены ли, и кому и какое свидетельство имеешь?

На 4-й [пункт] ответ кн. А. Д. Меншикова:

Полковник Трезин в 727 году к строению дому ево материалы и припасы держал по ево приказу, а на сколько по цене тех материалов и припасов издержано, и что заработных денег дать надлежит, — того он не ведает. И в зачет тех материалов из дому ево, князя Меншикова, дано ему, Трезину, несколько денег, о чем явно в домовое ево канцелярии в Петербурхе, и чтоб повелено то строение освидетельствовать архитекторами — во что стало, тако же он, Трезин, брал у него и стекла в зачет материалов.

Александр Меншиков.

5-й [пункт]. В 726 году июля 13 дня из Рижской рентереи²⁶ взял ты тысячу ефимков, о чем письмо твое явствует к рижскому рентмейстеру, что оные употреблены на нужнейшей расход, о чем де ты донесешь ея императорскому величеству, а на какие расходы,— известия не имеетца. И оные ефимки в какие нужные расходы имянно ты употребил?

Князь Меншиков сказал на 5-й [пункт]:

В 726 году июля 13 дня из Рижской рентереи тысячу ефимков он взял ли, и к рижскому рентмейстеру о том писал ли, и на какие расходы оные ефимки издержал,— о том сказать не упомнит. А подлинное о том о всем известие имеетца в Санкт-Петербурге в походной ево канцелярии у секретаря Андрея Яковлева.

Александр Меншиков.

6-й [пункт]. Илья Исаев²⁷ по письму твоему в Риге издержал на твой щет, а имянно на дело отправленному от вас в Вену карле платья сто червонных золотых. Оные червонные ты заплатил ли, и имеешь ли в том росписку?

На 6-й [пункт] ответ кн. А. Д. Меншикова:

Илья Исаев в Риге издержал сто червонных на дело отправленному от него в Вену карле платья на ево щот, а оных червонных он не заплатил.

Александр Меншиков.

7-й [пункт]. Понеже в одном 1727-м году показалось в дом ваш сумма немалая, а имянно без мала 200 000 рублей, також и годовые твои доходы небезызвестны, что немалая ж сумма в приходе в год бывает, а денег в доме вашем ничего не являетца. Того ради скажи подлинно, без утайки,— куда взятую в 727 году сумму употребил или где у кого в сохранение положены, також нет ли где в чужестранных государствах в банках и в торгах? И буде есть,— где и у кого и какая сумма, и не отдано ль от вас кому на какие покупки или торги, и кому сколько?

Князь Меншиков сказал на 7-й [пункт]:

В 1727 году в дом ево 200000 рублей в приходе не бывало, и ни у кого и никаких денег в сохранение не положено²⁸, и в чужестранных государствах в банках и в торгах нигде нет. Только в Амстердаме у агента Фондербурха за пеньку в остатке две или полтрети тысячи гульденов. А что у него князя Меншикова ныне налицо денег, и те обретаются в Санкт-Петербурге и в Москве и в Ранибурхе в домех ево, а что числом,— того он не упомнит, а явно в канцеляриях ево.

Александр Меншиков.

8-й [пункт]. Ведая ты свое пред его императорским величеством преступление и за то над собою его величества гнев, за что всех чинов лишен и послан в ссылку, а в данных пашпортах, а имянно — которой дан в ноябре месяце иноземцу берейтору Роппу²⁹ писался светлейшим Римскаго и Российского государств князем. Для чего ты такое дерзновение против воли его императорского величества чинил?

Князь Меншиков сказал на 8-й [пункт]:

В пашпорте, которой дан в ноябре месяце иноземцу берейтору Роппу и в-ыных письмах писался он светлейшим Римскаго и Российского государств князем для того, что на оное княжество данные ему дипломы от императорского величества и от цесаря римского, при посылке ево в Ранибурх и по приезд действительного статского советника господина Плещеева в Ранибурх у него были не взяты, и чтоб ему светлейшим Римскаго и Российского государств князем не писатца указу ему ни от кого не объявлено³⁰. Да и всякие пашпорты и в деревни указы писали чрез капитана Пырского у него в канцелярии, и как он, Пырской, титул ево напишет и к нему принесет и что закрепить велит, то он, князь Меншиков, и крепил. А у него, Пырского, указ был ли, как ему, князю Меншикову, писатца,— того он не знает.

Александр Меншиков.

№ 6

ДОНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА И. Н. ПЛЕЩЕЕВА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ II И ВЕРХОВНОМУ ТАЙНОМУ СОВЕТУ О РЕЗУЛЬТАТАХ СЛЕДСТВИЯ НАД КН. А. Д. МЕНШИКОВЫМ В РАНИЕНБУРГЕ

Февраль 1728 г.

Его императорскому величеству самодержцу Всероссийскому от действительного статского советника Плещеева всеподданнейшее доношение.

По вашему императорского величества указу отправлен я был из Верховного тайного совета в Аранибурх. И, будучи там, по данной мне инструкции князя Меншикова по пунктам допрашивал и обретающихся при нем всякие письма, также ковалерии у него и у сына ево с лентами и звездами отобрал и привез с собою в Москву, которым ковалериям при сем явствует реэстр*. А пожитки ево, князя Меншикова, также деньги и вещи, что чего явилось, переписал и собрал в одно место, запечатал, и поставлен караул, и с описи копия гвардии капитану Мельгунову для известия дана. Да князь Меншиков и княгиня ево, также служители их показали отданное разным персонам имение, а кому имянно,— о том значит в описи, в том числе в посылке к Варваре Арсеньевой денег одиннадцать тысяч рублей.

И о приеме в Верховный тайный совет вышеписанных за рукою князя Меншикова допросов и притом записки некоторых ево разговоров, также писем, ковалерей и описи пожиткам у вашего императорского величества требую указу. Иван Плещеев. К поданию надлежит в Верховном тайном совете. ...февраля... дня 1728 году.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, л. 12. Подлинник.

№ 7

ПРОТОКОЛ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА ПО ДЕЛУ КН. А. Д. МЕНШИКОВА О ССЫЛКЕ ЕГО С СЕМЕЙСТВОМ В БЕРЕЗОВ И О КОНФИСКАЦИИ ЕГО ИМУЩЕСТВА.

4 апреля 1728 г.

1728-го марта в 27 день его императорское величество изволили быть при присутствии всех особ Верховного тайного совета и слушать письма подметного, которое прибито было 24-го дня марта у Спасских ворот, и указал о том подметном письме выдать свой указ во всенародное известие, которой того же дня сочинен и явствует ниже сего.

О Меншикове изволил определить: послать, обобрав ево все пожитки, в Сибирь, в город Березов з женою и с сыном и з дочерьми. И дать ему из людей ево мужеска и жеиска пола десять человек ис подлых. И дать ему в приставы порутчика или подпорутчика от гвардии, которая ныне тамо с Мельгуновым, которому в дорогу для провозжания до Тобольска взять дватцать человек салдат отставных баталиону Преображенского, которая ныне в Аранибурхе. И ехать ему водою до Казани, до Соли Камской, а оттуда до Тобольска. А в Тобольск приехав, отдать ево, Меншикова, со всеми губернатору, а самому взяв салдат, ехать в Москву. А губернатору, приняв ево, отправить в вышепомянутой город, выбрав добраго офицера и придав салдат, которому офицеру и с салдаты и жить при нем. И как в дороге, так и тамо будучи, над ним иметь крепкое надсмотрение, чтоб ни он пикуды и ни х кому и ни к нему писем никто не писал и никакой пересылки ни с кем не имел. А ежели б какия письма от кого явились, и те ему брать к себе, и присланных к нему и от него посланных держать за караулом, и о том писать сюда без умедления, и дать ему обо всем том инструкцию. А давать ему и жене и сыну и дочерям корму по рублю, да на людей по рублю ж на день, всего по шти [6] рублей ис тамошних доходов. А на нынешней год, с

* Реэстр «ковалериям и звездам» сохранился в деле (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, л. 103, лл. 13—14 об.).

** Число в тексте не указано.

того времени как он из Аранибурха повезен будет, дать из отписных ево, Меншикова, денег, которые у Мельгунова оставлены. Да сверх того в дорогу офицеру на прогоны и на наем судов и на протчия дорожные расходы дать тысячу рублей ис тех же денег, которым велеть держать расход з запискою. У жены ево, Меншиковой, кавалерию взять и протчия пожитки, остальные сверх описи Ивана Плещеева, которая явятца и которая он в бытность свою у него, Меншикова, оставил, забрав привезть Мельгунову в Москву и объявить в Верховном тайном совете. А команду ему свою от гвардии солдат взять с собою, кроме тех, которая ради провожания возмутца, а протчих, которая взяты з Воронежа, и тех отпустить туды по прежнему.

Варвару Арсеневу³¹ послать в Белозерской уезд в Горской девичь монастырь, и тамо ее постричь при ундер-офицере, которой ее повезет в тот монастырь; и давать ей по полуполтине на день, и велеть ей тамо потому ж быть неисходной. И игуменье смотреть над нею, чтоб никто ни к ней, ни от нее не ходил, и писем она не писала, и о том к ней, игуменье, послать указ. А людей, которая ныне при ней, прислать в Москву, и письма, какия при ней ныне есть, велеть тому ундер-офицеру, отобрав, прислать за печатью в Москву в Верховный тайный совет. А когда она, Варвара, пострижена будет, то и ему оттуда ехать и явитца в Верховном тайном совете и о всем известие подать на письме.

Люди мужеска и женска пола, которая у него, Меншикова, ныне тамо и останутца от тех, которая с ним поедут, велеть Мельгунову выслать их в Москву и привезть им с собою роспись и оную подать в Верховном тайном совете. Аранибурх и к нему тысяча дворов, которая было велено оставить во владение за ним, Меншиковым, отписать на его императорское величество и велеть Мельгунову переписать: что чего останетца какого заводу и хлеба и протчаго, и сколько числом дворов крестьянских и однодворцов или других каких чинов, сверх крестьян; и в тех однодворцах есть ли такие, которая собственныя свои деревни имели. А когда он, Меншиков, из Аранибурха повезен будет и выедет несколько верст от Аранибурха, тогда капитану Мельгунову осмотреть ево пожитки: не явитца ли чего у него утаенного сверх описи Ивана Плещеева, и те все пожитки у него отобрать и, переписав, привезть с протчими ево пожитки в Москву и объявить в Верховном тайном совете³².

О вышепомянутой даче кормовых ис тамошних доходов, где кто будет, об ассигнациях послать указ в Сенат. А пожитки ево пересматривать и опись оным чинить и запечатывать обще з другими офицеры и с людьми ево, Меншикова, и опись тем пожиткам подписать им обще. А деревни приказать смотреть кому из людей ево, Меншикова, по рассмотрению Мельгунова обще с старосты, дабы удобного времени к севу упущено не было и чтоб все было под добрым охранением. Генерал-адмирал граф Апраксин. Канцлер граф Головкин. Князь Василий Долгорукой. Князь Дмитрий Галицын. Князь Алексей Долгорукой. Василий Степанов. Подписано в 4 день апреля 1728-го.

ЦГА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, лл. 106—108 об. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В письме к Меншикову от 19 июля 1727 г. царица Евдокия Федоровна Лопухина просила о переводе ее из Шлиссельбурга в Новодевичий монастырь, в Москве («Русский вестник», 1860, т. 28, стр. 187). В письме не содержится просьбы о свидании царицы с внуком, императором Петром II. Вполне возможно, что Евдокия Лопухина писала это письмо по образчику, заранее присланному Меншиковым (В. Н. Нечаев. Публикация о винах кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1921, № 7, стр. 109—112).

2. Это обвинение не соответствует действительности. Предоставленное Петром I Меншикову право рассылать от своего имени указы и повеления было подтверждено протоколом Верховного тайного совета от 2 сентября 1727 г. («Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», 1858, № 3, стр. 65).

3. По завещательному акту Екатерина I распорядилась выдать 1 млн. руб. герцогу Карлу Голштинскому и его супруге, царевне Анне Петровне, при условии их выезда из России и отказе от притязаний на российский престол. Судя по по-

казаниям голштинского министра графа Бассевича, он для беспрепятственного получения этой суммы обещал выдать Меншикову «за хлопоты» 80 тыс. руб., из числа которых будто бы и вручил наличными 60 тыс. руб. (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XI, д. 69, лл. 1—4; см. также: В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 134—140).

4. Английский коммерсант Фрэнсис Марли в 1722 г. взял подряд на поставку в Россию золота (в иностранной монете) и ефимков (ноахимсталеров) на сотни тысяч рублей. В марте 1727 г. выяснилось, что Марли оказался несостоятельным и задолжал казне 84 183 руб., в то время как все его недвижимое и движимое имущество в России оценивалось в 44 340 руб. (Сб. РИО. Т. 69, стр. 65—66).

5. Еще при жизни Екатерины I голштинский министр Бассевич добился у императрицы решения о передаче герцогу Карлу Голштинскому права на взыскание казенного долга на английском коммерсанта Ф. Марли. Это решение было утверждено протоколом Верховного тайного совета от 14 июля 1727 г., по которому герцог мог взыскать в свою пользу в качестве «презента и на дорожный проезд» с Ф. Марли 84 183 рубля (Сб. РИО. Т. 69, стр. 63).

6. На допросе 8 января 1728 г. Меншиков признался, что Бассевич обещал ему вручить половину казенного долга, взыскиваемого с купца Ф. Марли в пользу герцога Карла, и в счет этого вручил ему 2 тыс. рублей (см. док. № 3 данной публикации).

7. Имеются в виду, очевидно, поместья в Лифляндии, Эстляндии и Голштинии, на которые Меншиков получил купчие и контракты с фиктивными указаниями об уплате им наличных сумм (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 139—140; см. также док. № 3 данной публикации).

8. Имеется в виду повеление Петра II от 27 октября 1727 г. о принятии в Сенате частных претензий на Меншикова «в отнятии и в насильном владении деревень и в других чинимых от него обидах» (Сб. РИО. Т. 69, стр. 594—595).

9. Сохранился еще один допрос Меншикова от того же числа, непосредственно связанный с содержанием публикуемого здесь документа № 2. Приводим полный текст этого, неизвестного ранее допроса: «1728 геваря 5 дня. Князь Александр Меншиков показал: которые письма имеет он при себе в доме своем в Раненбурге, — все объявил без утайки, кроме тех, которые имеютца в Санкт-Петербурге и в Москве в домах его и в канцеляриях. А сжали он сказал ложно, и за то отдаетца в волю его императорского величества. Александр Меншиков» (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 160, № 1, ч. 3, л. 85).

10. Имеются в виду пункты Верховного тайного совета от 13 декабря 1727 г., врученные И. Н. Плещееву для допроса Меншикова (Сб. РИО. Т. 69, стр. 843—845).

11. Возможно, что основанием для обвинения Меншикова в попустительстве Швеции относительно ее участия в Ганноверском союзе послужили некоторые неофициальные заявления Меншикова в частных беседах с шведским послом Цедеркрейцем и датским послом Маньяном (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 127—134).

12. Цедергельм (Цыдергейм)—барон, шведский посол в России в 1725—1726 годах.

13. Меншиков имеет в виду дело поручиков Друкорта и Пояркова, осужденных в 1718 г. за подделку с корыстными целями подписей и печати Меншикова (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VII, д. 17).

14. Шувалов и Порошин — командиры русских воинских частей, расквартированных в Финляндии вдоль шведской границы.

15. Герцог Карл Голштинский и его супруга, царица Анна Петровна, выехали из России в июле 1727 года.

16. Ренша, вдова генерала К. Ренна, и Принцен-Стерн — землевладельцы в Лифляндии.

17. Это показание имеет документальное подтверждение. 19 июня 1727 г. Меншиков подал Петру II прошение об утверждении за ним путем выдачи жалованных грамот на купленные им в Лифляндии имения. Петр II удовлетворил эту просьбу Меншикова (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 139).

18. См. примечания 4—6.

19. Имеются в виду пункты Верховного тайного совета от 12 декабря 1727 г.,

врученные И. Н. Плещееву для допроса Меншикова относительно его преступлений корыстного свойства.

20. Роспись в деле не сохранилась, но она опубликована в качестве приложения к доношению Камер-коллегии от 13 ноября 1727 г. (Сб. РИО. Т. 69, стр. 926—927).

21. Названный указ был действительно выдан Меншикову Екатериной I, но не 22 декабря, а 8 декабря 1725 года. Согласно указу, погашались все долги и начеты на Меншикова по 1721 год (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 142—143). Под действие этого указа попадали и основные предъявленные Меншикову взыскания по 1-му пункту, поскольку они относились ко времени до 1721 года. Недоимки и долги Меншикова после 1721 г. по этому пункту исчислялись суммой в 3 881 рубль.

22. Камень лал был приобретен по поручению Меншикова в Нидерландах. По отзыву русского посла в Гааге кн. Ф. А. Куракина, этот камень «по своей великости и тяжести и цвету считался токмо един в Европе» («Архив кн. Ф. А. Куракина». Кн. 1. Саратов. 1890, стр. 76). 12 ноября 1727 г. «камень лаловый красный большой» был взят из дома Меншикова дворцовым комендантом И. Мошковым и приобщен к ценностям царской сокровищницы (Сб. РИО. Т. 69, стр. 738).

23. В марте 1726 г. состоялся сговор Марии Меншиковой на бракосочетание с польским магнатом, графом Петром Сапегой. В связи с тем, что Мария Меншикова позднее была сговорена на брак с Петром II, сговор с Сапегой в мае 1727 г. был расторгнут. Ввиду несостоявшегося брака княжны Марии Меншиковой и графа Сапегы Меншиков ходатайствовал перед Екатериной I о возвращении ему из казны приданого за дочь в 80 тыс. руб., на что имел словесное поведение императрицы о выдаче ему 53 679 руб., которые он получил уже при Петре II, а о возвращении оставшихся за казной денег он ходатайствовал перед Петром II и Верховным тайным советом в августе 1727 г., но удовлетворения не получил (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 144—146).

24. Трезини (Трезин) Андрей — архитектор и полковник, по проекту и под наблюдением которого строился дворец Меншикова на Васильевском острове в Петербурге.

25. Ведомости были поданы А. Трезиним в Верховный тайный совет 4 декабря 1727 года. По сохранившейся в другом следственном деле справке значится, что этот архитектор объявил о расходах казенных материалов на строительство меншиковского дворца в Петербурге на сумму 12 073 руб., кроме того, надлежало выплатить кормовых денег солдатам 594 руб. (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 160, ч. II, лл. 170—173).

26. Рентеря — местное казначейство.

27. Илья Исаев — купец, президент и обер-инспектор Рижского магистрата.

28. Впоследствии Меншиков отказался от этих утверждений и сообщил, что часть его ценностей и денег находится на сохранении у родственников жены — Арсеньевых, а также у Шаховских и у Е. С. Зюзиной.

29. Паспорт борейтору голштинцу Григорию Роппу был выдан Меншиковым в ноябре 1727 г. (Г. В. Есипов. Ссылка князя Меншикова, стр. 406).

30. В данном показании Меншиков нрав. Действительно, после его ареста он вплоть до 31 января 1728 г. продолжал титуловаться князем во всех официальных бумагах Верховного тайного совета и других учреждений (Сб. РИО. Т. 79, стр. 58).

31. В. М. Арсеньева — свояченица Меншикова, была сослана в октябре 1727 г. в монастырь в город Александров, откуда пыталась ходатайствовать об облегчении участи жены и детей Меншикова.

32. У Меншиковых были отобраны и переписаны все личные вещи, кроме имевшейся на них ветхой одежды (донесение капитана П. Мельгунова от 17 апреля 1728 г. Сб. РИО. Т. 79, стр. 333).